

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОТ СЛОВА-КОНЦЕПТА К ТИПОЛОГИИ

УДК 811.124:81'37

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО КОНЦЕПТА «ЧЕЛОВЕК» В ЗЕРКАЛЕ ЛАТИНСКИХ И ЛАТИНИЗИРОВАННЫХ ИМЕНОВАНИЙ

В.В. Волков

Кафедра русского языка
Филологический факультет
Тверской государственной университет
просп. Чайковского, 70, Тверь, Россия, 170002

С лингвогерменевтической точки зрения латинский термин *homo sapiens* нецелесообразно рассматривать как наиболее точное выражение сущности человека. Существует множество других латинских и латинизированных языковых «зеркал», фиксирующих различные ее стороны. Лексико-семантическое ядро концепта «Человек» является неоднородным, складывается из антиномичных элементов (лексико-семантических групп, подгрупп и автономных единиц).

Ключевые слова: картина мира, лингвистическая герменевтика, концепт «Человек», теория номинации, лексико-семантическое поле.

Характерный для лингвокультурологии весьма эффективный исследовательский прием — «коллекционирование» однотипных именовании какого-либо культурного феномена, нацеленное на выявление специфических «углов зрения», затем систематизирование и интерпретация найденных групп именовании. Получаемый таким образом операциональный промежуточный результат — лингвокультурологическое лексико-семантическое поле — позволяет лингвистически корректно ставить вопрос как о дескрипторе (инициальном именовании всего поля), так и о наборе и специфике составляющих «тело» этого поля частных группировок — семантических, тематических, аксиологических или иных. Один из способов воссоздания «образа человека по данным языка» (Ю.Д. Апресян) — систематизация имеющихся именовании лиц. Результаты таких лингвистических исследований показывают колоссальное многообразие частных именовании (по возрасту, социальному положению, профессии, по моральным качествам и т.д.) — при отсутствии исконно или собственно русских **эмоционально-стилистически нейтральных обобщенных именовании** (кроме малоинформативных *человек* —

люди), характеризующих своеобразие разных сторон человека (лат. *homo*) как особого явления в ряду существ, населяющих нашу планету.

Мы привыкли, что в качестве основного характеризующего именованного человека в гуманитаристике (и не только в ней) используется латинский термин *homo sapiens* ‘разумный, знающий’. Однако наряду с ним бытует и множество иных латинских и/или латинизированных квазитерминологических характеристик — как общеизвестных, так и сравнительно редких.

Сразу подчеркнем, что устоявшаяся традиция сводить характеристику человека к *homo sapiens*, к «разуму» как его единственному и достаточному атрибуту, представляется ущербной, поскольку интуитивно-феноменологически ясно, что одним «разумом», который в традициях рационализма отождествляется с «наукой» как высшим и единственным критерием истины, своеобразие человека не исчерпывается, — не менее существенны, как минимум, «предразумное» и «надразумное» в нем. Сверхсознательное фиксируется в именовании *homo religiosus*, акцентирующем способность человека к трансцендированию, к выходу за пределы самого себя, для предсознательного аналогичной двусловной характеристики нет.

Едва ли не основное свойство «человека разумного» — способность лишаться «разума» и, по словам Гёте, периодически, как «кузнечик долгоногий», лезть в разную грязь, связанную с его биологической или социальной природой. Это свойство человека удачно отражено в современном философском его определении как *биосоциодуховного* существа — определении, пронизанном изящной иронией: «**Человек** — биосоциодуховное существо, способное активно действовать, приспособляться к обстоятельствам или изменять их в соответствии со своими нуждами, умеющее создавать предметы, каких нет в природе, формировать вокруг себя искусственную среду (цивилизацию) и самому же время от времени разрушать ее, чтобы затем приниматься за ее воссоздание и дальнейшее совершенствование» [2. С. 1024]. В этом качестве человек выступает как истинный *homo ludens* ‘играющий’ [9], для которого использование своих разнообразных возможностей — лишь творческая «игра в бисер», лишенная иной онтологической ценности, кроме себя самой.

Проблема компактного и точного по своей внутренней форме терминологического именованного человека — один из тех вызовов гуманитаристике, с которой она не может удовлетворительно справиться на протяжении нескольких последних веков, подобно тому как не может справиться с ясной интерпретацией феномена художественности [3] как проявления способности человека к эстетическому творчеству или с интерпретацией существа науки филологии [4]. Аспекты человеческого «я», по сложившейся традиции, обозначаются субстантивно-причастными, субстантивно-адъективными или субстантивно-субстантивными словосочетаниями типа *человек познающий*, *человек созидающий*, *человек свободный*, *человек будущего*, *человек в измерениях культуры* и т.п. Латинские и/или латинизированные характеристики выступают как особый «знак признания» именованного таким образом аспекта, поэтому именно на них и сосредоточим внимание далее. Таких именованных в дискурсе о человеке — несколько десятков, что побуждает в целях обозримости каким-то образом (разумеется, вполне условно) их сгруппировать.

1. Антропологические характеристики (в узком смысле термина *антропология* — как учение о биологической природе человека, в оппозиции философской антропологии как учения о «человеке вообще»). Палеоантропологические характеристики *homo erectus* ‘прямой, «человек прямоходящий»’ и *homo habilis* ‘умелый’ (высокоразвитый австралопитек) показательны как примеры крайней односторонности именованного человека лишь по одной из его особенностей, причем весьма недифференцированной природы («ходить», «уметь»). Такие характеристики неэвристичны, из них не следует возможность дальнейшего усложнения человеческого «я», — скорее неизбежность инволюции и деградации, как в случае с физиологической по своей сути характеристикой *homo libidos* ‘сексуальный’ (< лат. *libido* ‘желание, влечение, стремление > страсть, сладострастие, жажда наслаждений, похоть > каприз, прихоть > произвол’ — от безл. глагола *libet* ‘хочется, угодно, желательно’) или психофизиологической констатацией различных зависимостей в *homo addictus* ‘аддиктивный’. Для этих человеческих типов открыт лишь путь к *homo degeneratus* ‘человек деградирующий’.

Как видим, попытка исчисления уже самых основных именованных, составляющих данную группу, ведет к **общему вопросу о пределе, границе** когнитивной разработки атрибута, о его самоотрицании. «Умножение сущностей» в пределах одного аспекта неизбежно доводит до абсурда попытку ограничиться им одним, поскольку атрибут обесмысливается и разрушается. В случае узкоантропологических характеристик выявляется, что человек как (только) биологическое существо обречен на *дегенерацию* в буквальном смысле — на «вырождение»: от «умелости» или «эрективности» (иронически осмысляемой как ‘человек возбужденный’ в современной пьесе Ю. Полякова «Хомо Эректус, или Обмен женами») — к «сексуальности», «аддиктивности» и... собственно, здесь можно ставить точку.

2. Образование (обучение/обученность), способность знать. Способность к обучению как типологическая черта человеческого «я», будучи выраженной в типологизирующем двусловном именовании, сразу обнаруживает потенцию самоотрицания. *Homo educandus* ‘человек обучающийся’ (< лат. *educere* ‘выводить > воспитывать’ < *ex-* ‘из’ + *ducere* ‘водить, вести > стоять во главе, быть главным’) и *homo ignarus* ‘невежественный’ (< лат. *ignarus* ‘неопытный, незнающий, несведущий’ < *in* ‘не’ + *gnarus* ‘сведущий, знающий’) — две стороны одной медали, как по Экклезиасту («...во многотрудности много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл 1, 18)), так и по личному опыту большинства продвинувшихся в учении: чем больше знаешь, тем более глупым себя чувствуешь, — вплоть до сократовской максимы «Я знаю, что ничего не знаю», которая со временем и под бременем учения воспринимается уже не как шутка, но как истина. Именования типа *homo legens* ‘читающий’ (< лат. *legere* ‘собирать; выщипывать > произносить, декламировать > читать’), *homo cantor* ‘поющий’ (< лат. *cantor* ‘певец’ < *cantare* ‘петь’) фиксируют наличие групп таких людей, которые владеют отдельными навыками, требующими специального обучения, и полагают центр и смысл своего последующего существования в использовании соответствующих навыков или в их совершенствовании, в наслаждении ими и т.п.

3. Производство, способность *делать/производить*. По устоявшейся в советские годы традиции в основу понимания человеческого существа полагается развитая в марксизме трактовка психики как социально и орудийно («трудова») обусловленного феномена, — в соответствии с формулировкой Ф. Энгельса: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг...» [10. С. 135]. Однако человек начал говорить не потому, что в ходе совместной трудовой деятельности у него появилась потребность что-то сказать, но, напротив, совместно трудится потому, что у него появляются мысли, а вслед за ними и слова о том, что можно было бы сделать совместно. «В начале было Слово», — говорит Евангелие (Ин 1: 1); в перифразе современных исследователей: «...труд — это не только и, как кажется, не столько производство материальных объектов, сколько материальное и мыслительное моделирование мира» [1. С. 23].

Homo economicus ‘человек экономический’ — из *homo oeconomicus* ‘хозяйственный’ (< лат. *oeconomicus* — из гр. *oikonomia* ‘управление домом > вообще управление, распоряжение, устройство’) — понятие, рождающееся из соединения ***homo faber*** и ***homo socialis***. В этом соединении человек предстает как ***homo agens*** ‘активный’ (< лат. прич. *agens, agentis* ‘действующий > сильный, живой’ — от *agere* ‘приводить в движение, вести’), — в том смысле, что его активность оказывается конкретно-физически реализованной, и до известной степени противопоставляется ***homo cogitans*** ‘познающий’ — человеку, чья активность совсем не обязательно связана с конкретно-физическими проявлениями. Однако в современных условиях научное познание последовательно утрачивает самодостаточность, становится все более зависимым от потребностей производства — в самом широком смысле этого слова. Познание вырождается в «производство идей», далее в «производство информации» и наконец — в «производство текстов» (якобы) связанных с научным познанием.

Ироничная характеристика этой ситуации — в именовании ***homo academicus*** (из др.-гр. названия роши близ Афин, где преподавал Платон), фиксирующем значимость личности по месту (влиятельному) человека в академической среде, безотносительно к его реальным достижениям в сфере познания.

Homo faber ‘человек-мастер, «человек умелый», «человек-производитель», «человек деятельный»’ (< лат. *faber* ‘мастер, ремесленник, художник; творец, создатель’): понятие, основывающееся на фундаментальном для материализма (особенно марксизма) представлении о первичности утилитарной деятельности, ориентированной прежде всего на материальное производство. Лежащая в основе этой характеристики идея научно-технического прогресса как фактора, определяющего развитие человечества, находит еще более прямолинейное выражение в характеристиках ***homo technicus*** и ***homo technologicus*** ‘человек технический/технологический’ — понятиях, в общем случае фундирующихся на психологическом представлении об орудийной опосредствованности психики и различающихся тем, что в первом случае акцентируется то, *чем*, а во втором — *как* человек действует.

Развиваясь до грани абсурда, эта идея вербализуется в *homo informaticus* и *homo interneticus* ‘человек Интернета’. Последняя характеристика, в очевидном противоречии с ее семантическим этимологом (< англ. *net* ‘сеть; западня; паутина’), часто трактуется не как «капкан», «западня», но, напротив, как источник новой свободы, понимаемой как легкий доступ к различным источникам информации и средствам коммуникации. Обратная сторона этой «свободы» — очередной виток последовательно растущей зависимости человека: некогда от простейших орудий труда — затем к зависимости от технически все более совершенных механизмов, далее от неподконтрольных индивиду информационных потоков, — наконец, к зависимости от технических устройств, обеспечивающих возможность информационного обмена (от домашнего компьютера и «всемирной паутины»). Такая отрицательная динамика чревата всевозрастающим разрывом индивида с его «внутренним человеком». Неслучайно именно Интернет породил качественно новый вид игромании и новый человеческий тип — *homo gamer* ‘человек-игрок (в компьютерные игры)’ (< англ. *to game* ‘играть в азартные игры’).

Суммарная логика этой группы именовании: от *homo faber* — к *homo gamer* и, соответственно, от утилитарности — к самодовлеющей виртуальности, к *homo electronicus* — «человеку виртуальному» и далее к «электронной цивилизации», где человек превращается в «виртуальное существо», а в перспективе — в *киборга* (из *кибернетический организм*), уже едва ли человека как такового.

Абсолютизация ценности какого-либо из видов труда — физического, умственного, управленческого, семейного или иного — ведет, с одной стороны, к иронически-сниженной, по существу, пейоративной характеристике человека как *homo piger* ‘ленивый’ и к дальнейшим потенциально экстремистским выводам (логичное развитие националистических, расистских взглядов), основывающимся на предположениях о «второсортности» того или иного вида труда (физического или умственного), а следовательно, о «неполноценности» людей, с этим трудом связанных; с другой стороны, к акцентированно мелиоративным именованию типа *homo noospheric* ‘человек ноосферы’, *homo pulcher* ‘красивый’ (< лат. *pulcher* ‘красивый; прекрасный, славный, благородный’) или даже *homo sacer* ‘**посвященный, «священный человек»**’ (< лат. *sacer, sacrum* ‘посвященный, предназначенный; священный, святой; магический, таинственный’).

4. Социум, человек как общественное существо. *Homo socialis*, или *homo socius* ‘общественный’ (< лат. *socialis* ‘товарищеский, дружеский > общительный, общественный’ < *socius* ‘общий, совместный; находящийся в союзе, союзный’), — понятие, основывающееся на допущении, что человек может быть определен как сумма социальных ролей. Представление о человеке как *homo socialis* предполагает, что каждая из исполняемых им социальных ролей является общественно полезной — для семьи, производства, государства и иных институциональных структур.

Любопытно отметить, что социологи пользуются характеристикой *homo sociologicus* — «**социологический человек**», то есть человек как бы «по меркам социологии», и толкуют это понятие как «исполнитель заранее определенной социальной роли, в которой совмещается индивидуальное и общественное» [7. С. 331]. В этом смысле *homo socialis* — то же, что *homo institutionis* ‘институ-

циональный, «человек институций» (< лат. *institutio* ‘устройство; образ действия’ < *instituere* ‘ставить > строить, выстраивать; устраивать’ < *in-* ‘«в-, на-, воз-’ + *statuere* ‘ставить; устанавливать, возводить, воздвигать > формулировать; выносить постановление, принимать решение’), — человек, существующий в системе разнообразных «институций» — официальных и полуофициальных общественных, государственных и производственных образований, — в пределе социальных ожиданий, как писал в свое время В.И. Ленин, — «колесико и винтик» единого социального механизма.

5. Государство, человек как гражданин. В комплиментарном варианте дальнейшей разработки *homo socialis* предстает как *homo civis* ‘человек-гражданин’ (< лат. *civis* ‘гражданин, гражданка > согражданин; подданный’), в иерархии ценностей которого личные интересы подчинены интересам «общего дела»; в иронически-сниженном варианте предстает как *homo communis* ‘обыкновенный’ (< лат. *communis* ‘общий; обыкновенный, обычный, общепринятый; общительный, доступный, обходительный, ласковый’ < *com-* ‘вместе с...’ + *munus* ‘обязанность, служба, должность, пост; задание > повинность, бремя; положение, состояние’), — и далее вплоть до таких его разновидностей, как *homo soveticus* — человек, который приемлет ценностные установки советского тоталитаризма как личностные, и современный его рефлекс *homo post-soveticus* — человек, воспринявший ценностный постсоветский «плюрализм» как «сигнал ожидать» новых «руководящих указаний» от какой-либо авторитетной социальной инстанции.

Оценочно размытым в этом ряду оказывается *homo novus* ‘человек новый’. В классическом прочтении это человек незнатного происхождения, достигший высокого положения в обществе; в современном словоупотреблении очевидна коннотативная энантиосемия — от синонимизации *homo novus*, с одной стороны, с мелиоративными существительными типа *первопроходец, первооткрыватель*, с другой стороны — с пейоративными *выскочка, нувориш*.

К группам *homo socialis* и *homo civis* органически примыкает и *homo ideologicus* ‘идеологический, «человек идеологии, идеи»’ (< гр. *idea* ‘видимость, внешний вид, наружность > образ, форма > общее свойство, понятие, представление > идеальное начало, первообраз’), — человек, мыслящий идеологическими штампами, оторванный от реальной жизни. Сюда же следует отнести и *homo politicus* ‘человек политический’, которого, в соответствии с различным пониманием существа политики, можно отождествить, с одной стороны, с *homo civis* ‘человек-гражданин’, с другой стороны, с «человеком-управленцем», задача которого — гармонизировать интересы различных социальных групп, институтов (ср.: «...практическая политика суть искусство гармонизации-дисгармонизации, стабилизации-дестабилизации групповых интересов» [5. С. 3]), с третьей — с субъектом борьбы за политическую власть, в интенциональном фундаменте которого — стремление к власти и/или к перераспределению власти.

Инструмент политиков и идеологов — *homo credens* ‘человек верящий’ (< лат. прич. *credens* — от *credere* ‘вверять, поручать; давать займы; доверять, полагаться; верить; веровать; полагать, считать’), именно *верящий*, а не *верующий*, как в случае с *homo religiosus*. Эта знаковая паронимия (*верить* — *веровать*) отчетливо противопоставляет религию как *веру* — *верованиям*, выступающим

как эрзац религии: идеологиям социализма и коммунизма, «левых» и «правых», консерватизма и либерализма, глобализма и национализма и т.д.

б. Имманентные свойства: игра, речь, творчество и свобода. В этих атрибутах человек необходимо предстает как *homo amphibolos* ‘двусмысленный’, способный смеяться над самим собой, над совмещенностью в себе несовместимого, способный встать над ограничениями повседневного существования, прочувствовать свое родство («по образу и подобию») с Творцом, что явствует уже из этимона *homo creativus* ‘креативный, творческий’ (< лат. *creatio* ‘созидание, порождение’ < *creare* ‘творить, создавать, производить; вызывать, породить’). Эта возможность обеспечивается многосмысленностью практически каждого слова, способного прийти в голову человеку как *homo loquens* ‘говорящему’, как *homo verbalis* ‘устный, словесный’), в котором могут оказаться и отзвуки Слова — с заглавной буквы. В обобщенно-семиотическом смысле, это *homo symbolicus* ‘человек символический’ — семиотическое существо, способное создавать, хранить, воспринимать, понимать, интерпретировать тексты культуры.

В своей речи, вообще в оперировании различными символическими/семиотическими средствами человек иногда — *homo autocreator* ‘самотворческий’), способный к такому творчеству, которое не побуждается ни нуждами производства, ни социальными, государственными или иными внешними по отношению к его внутреннему «я» потребностями, что наиболее ярко в случае *homo aestheticus* ‘эстетический’ (< гр. *aisthētikos* ‘способный чувствовать, одаренный чувством, чувствующий’ < *aisthētēs* ‘ощущающий, чувствующий’ < *aisthēsis* ‘ощущение, чувствование, чувство (как способность видеть, слышать) > замечание, понимание, познание’), когда восхождение — *эстетизм* — от конкретно-чувственного к вневещественному, условно именуемому *Красотой*, — самостоятельная бытийная цель.

На путях использования и совершенствования своих имманентных свойств человека подстерегает искушение свободой. *Homo liber* ‘свободный’ (< лат. *liber* ‘свободный, независимый > благородный, прямой, откровенный > своевольный, разнузданный, распутный’), с лингвогерменевтической точки зрения, — «пустое понятие», не поддающееся содержательной интерпретации, в терминологии постмодернизма — *симулякр*, поскольку в рамках основополагающих секулярных определений человека как социального, «трудового» или «экономического» существа невозможно найти корректные ответы на простые исходные вопросы для характеристики *homo liber*: *свободный — от чего, в чём, для (ради) чего?* Понятие свободы обретает конкретный смысл ‘наличие выбора/выборов’ лишь в рамках *homo religiosus* — человека, наделенного божественным даром — свободой ради возможности осознанного выбора путей трансцендирования за пределы ограничительных атрибутов (то есть практически — за пределы самого себя), ради синтеза земного и небесного, ради осмысления логики земных дорог — как направленных либо к миру горнему, либо в никуда.

Человек как *homo religiosus* ‘религиозный’ — это, с одной стороны (до грехопадения), — еще не вкусивший от древа познания добра и зла и целокупно связанный с Творцом, — как созданный по образу и по подобию Его; с другой стороны (после грехопадения), заново ищущий своего Создателя, как «возвращающийся» — с соответствия с этимологической внутренней формой сущ. *религия* —

из лат. *religio* ‘совестливость, добросовестность, благочестие > благоговение, набожность > богослужение, богослужebные обряды’ — от *religare* ‘связывать сзади, привязывать сзади; заплетать, обвязывать, обвивать’ (применительно к *religio* буквально «восстанавливать связь») < прист. *re...* в значении возобновления, повторности действия + *ligare* ‘завязывать, привязывать’.

«Воссоединение, или религия, — писал В.С. Соловьев в „Чтениях о богочеловечестве“ (1878—1881), — состоит в приведении всех стихий человеческого бытия, всех частных начал и сил человечества в правильное отношение к безусловному центральному началу, а через него и в нем к правильному согласному отношению их между собою» [6. С. 10]. Характеристика сущности человека как *homo religiosus* в современном десакрализованном гуманитарном сознании глубоко вторична, а в пределах агрессивно-секулярной его разновидности — периферийна или даже избыточна. Человек в рамках этого типа сознания не воспринимается как нечто богосотворенное, священное и, как следствие, представление о нем размывается, а попытки компактно охарактеризовать его сущность, последовательно умножаясь, регрессируют в дурную бесконечность.

Подведем итоги. Неразрешимость противоречий, связанных с попытками найти удовлетворительные именованья человека через отдельные его свойства, пусть и представляющиеся наиболее существенными с какой-то точки зрения, приводит к неизбежному выводу: современный человек — это *homo errans* ‘человек заблудившийся’ (< лат. *errans* ‘заблудившийся’ < *errare* ‘заблудиться’ > заблуждаться, ошибаться; блуждать, бродить, скитаться’), заблудившийся «в сумрачном лесу» своих самоопределений, развивающийся в постмодернистского *homo negans* ‘отрицающий’ с его установкой на тотальную самоироничность, вплоть до отрицания своей собственной субъектности. В другой формулировке — *homo zwischens* (< нем. *zwischen* ‘между, среди’), отягощенный противоречиями «междубытия»: между душой и телом, предопределенностью («судьбой») и свободой, греховностью и святостью и т.д. Как писал М. Хайдеггер в «Письме о гуманизме», это человек, стоящий «в просвете бытия». «Стояние в просвете бытия я называю эк-зистенцией человека. Только человеку присущ этот род бытия. Так понятая эк-зистенция — не просто основание возможности разума, *ratio*; эк-зистенция есть то, в чем существо человека хранит источник своего определения» [8. С. 198].

Многочисленные определения *homo* как «человека частичного» — лингвистические отзеркаливания «просветов бытия» — отзываются (как в качестве одной из причин, так и в качестве следствия) в многочисленных социально-политических, психологических, экономических, экологических и иных катаклизмах, на которые особенно урожайным оказался XX век. Никакого разума *homo sapiens*’у неостанет на то, чтобы охватить и примирить все противоречия, связанные с различными аспектами его «я» — как кратко охарактеризованными выше, так и оставшимися вне поля зрения в данной работе. Справиться может лишь **целостный** человек — *homo religiosus*, в единстве сознательного и сверхсознательного преодолевший предсознательное, в своем внутреннем усилии «вернуться» к Творцу — в соответствии с семантическим этимологом существительного *религия*.

В этом, по нашему убеждению, духовные корни еще одного человеческого типа — *homo esperans* ‘надеющийся’ (в языке эсперанто — из лат. *sperare* ‘надеяться, уповать; ожидать, предвидеть, чаять’), что отчетливо перекликается с фундаментальными ценностями отечественной культуры — *Вера, Надежда, Любовь*, которые, вероятнее всего, и составляют истинное существо человека, если все-таки лестный эпитет *sapiens* считать в его определении основополагающим.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Агранович С.З., Березин С.В. Homo amphibolos: Археология сознания. Самара: Изд. дом «Бахрах-М», 2005.
- [2] Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
- [3] Волков В.В. Интермедиальность как атрибут художественности (лингвогерменевтика термина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 2. С. 135—142.
- [4] Волков В.В. Филология в системе современного гуманитарного знания: Учебное пособие. Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013.
- [5] Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М.: Изд-во МГУ, 1995.
- [6] Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве // Соловьев В.С. Собр. соч. В 7 т. Т. 3. [1877—1884]. СПб.: Издание товарищества «Общественная Польза», б.г. С. 1—168.
- [7] Социологический энциклопедический словарь / Ред.-координатор Г.В. Осипов. М.: Изд-во «Норма», 2000.
- [8] Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
- [9] Хёйзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997.
- [10] Энгельс Ф. Диалектика природы. Л.: Госполитиздат, 1953.

SEMANTIC CORE OF THE CONCEPT “HUMAN” IN THE LIGHT OF LATIN AND LATINIZED NOMINATIONS

V.V. Volkov

Russian Language Department
Philological Faculty
Tver State University
Chaikovsky av., 70, Tver, Russia, 170002

The author proves that from linguistic hermeneutics positions the Latin term *homo sapiens* is not the most precise substantial nomination for human beings. There is a great number of other Latin and Latinized linguistic “mirrors” and thus its various peculiarities are being reflected. Lexico-semantic core of the concept “Human” is heterogeneous, consists of contradictory elements (lexical-semantic groups, subgroups and isolated units).

Key words: world picture, linguistic hermeneutics, concept “Human”, theory of nomination, lexical-semantic field.

REFERENCES

- [1] *Agranovich S.Z., Berezin S.V. Homo amphibolos: Arkheologiya soznaniya* [Homo amphibolos: Archaeology of Consciousness]. Samara, Bakhrakh-M Publ., 2005.
- [2] *Bachinin V.A. Enciklopediya filosofii i sociologii prava* [Encyclopaedia of Philosophy and Sociology of Law]. Saint Petersburg, Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskiy centr Press», 2006.
- [3] *Volkov V.V. Intermedialnost kak atribut khudozhestvennosti (lingvogermenevtika termina)* [Intermediality as an Attribute of Artistry (Lingvohermeneutics of the Term)] // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics, 2014, № 2, P. 135—142.
- [4] *Volkov V.V. Filologiya v sisteme sovremennogo gumanitarnogo znaniya* [Philology in the System of Modern Humanitarian Knowledge]. Tver, Kondratev A.N. Publ., 2013.
- [5] *Ilyin V.V., Panarin A.S., Badovskiy D.V. Politicheskaya antropologiya* [Political Anthropology]. Moscow, MSU Publ., 1995.
- [6] *Solovev V.S. Chteniya o bogochelovechestve* [Readings about God-manhood] // Solovev V.S. *Sobr. soch. 7 tt. T. 3.* Saint Petersburg: Obschestvennaya Polza Publ., b.g. P. 1—168.
- [7] *Sociologicheskii enciklopedicheskiy slovar* [Sociological Encyclopaedic Dictionary] / Red.-koordinator G.V. Osipov. Moscow, Norma Publ., 2000.
- [8] *Khaydegger M. Vremya i bytie: Stati i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993.
- [9] *Kheyzinga Y. Homo Ludens. Stati po istorii kultury* [Homo Ludens. Articles on History of Culture]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 1997.
- [10] *Engels F. Dialektika prirody* [Dialectics of Nature]. Leningrad, Gospolitizdat Publ., 1953.